

Завершив интервью, Хань Сюнь вернулся к своей ленивой, но насыщенной писательской жизни. Он бездельничал у панорамного окна виллы, словно выращивая грибы, и, когда Сюй Сымяо вернулся глубокой ночью, начал выдвигать свои требования.

— Господин Сюй, я хочу маленький хого.

— Господин Сюй, я хочу курицу, приготовленную на дровах.

— Господин Сымяо, я хочу снежный лотос с Небесного озера и белого журавля.

— ...Что это за чертовщина?

Сюй Сымяо даже не знал, в каком заведении можно заказать такое!

Хань Сюнь лежал, запрокинувшись на подушку у панорамного окна, подняв ноги и безобразно развалившись, слабым голосом произнес:

— Я просто придумал что-то, что обычные люди не едят, и состряпал это наугад. Просто закажи что-нибудь на ужин.

В последнее время он ни на что не находил сил. «Вкусное сердце» столкнулось с серьезным творческим кризисом. Он не хотел следовать сценарию, который в прошлой жизни принес ему награду, но избежать уже сформированных идей и создать что-то новое, что удовлетворило бы его, оказалось сложнее, чем написать совершенно другую историю.

Сюжеты и персонажи старой истории постоянно крутились в голове, и стоит ему отвлечься, как он снова писал сценарий, который его не устраивал.

Сюй Сымяо заказал ночной хого, специально отправив людей, чтобы принесли его вместе с котлом.

Благодаря его щедрости, владелец ресторана добавил небольшую бутылку белого вина.

Стол был завален свининой, говядиной и бараниной. Хань Сюнь, несмотря на свою худобу, оказался настоящим мясоедом, в то время как Сюй Сымяо предпочитал сочетать мясо с овощами, такими как капуста и лотос.

Горячий бульон кипел на электроплите, и они ели, смотря старые фильмы.

«Свидетель обвинения» 1958 года Хань Сюнь смотрел бесчисленное количество раз, даже реплики второстепенных персонажей знал наизусть, но он продолжал пересматривать эти классические фильмы, изучая, как старые мастера кино управляли кадром и ритмом.

Для Сюй Сымяо это был первый просмотр «Свидетеля обвинения», и, когда появился неожиданный финал, он не смог сдержать удивления:

— Скажи, чего добивалась эта женщина?

— Любовь может сводить с ума, — ответил Хань Сюнь, правой рукой поднимая мясо палочками, а левой указывая на экран. — Господин Сюй, посмотри внимательно, это самое важное во всем фильме.

Сюй Сымяо поднял взгляд и увидел на экране белую надпись:

«Для лучшего восприятия фильма, пожалуйста, не раскрывайте сюжет».

Сюй Сымяо опешил.

Не ожидал, что фильм 1958 года уже обладал такой дальновидностью.

Убедившись, что Сюй Сымяо все увидел, Хань Сюнь включил другой старый фильм. Его обычное хобби — пересматривать классику — стало и хобби Сюй Сымяо.

Поздно вечером, наслаждаясь хого и черно-белыми фильмами, они весело болтали и ели.

На этот раз владелец ресторана сделал бульон настолько острым, что Сюй Сымяо наконец понял, что значит «боль от остроты, которую невозможно пережить, но хочется есть». Он с улыбкой спросил:

— Почему в Китае так любят острое?

— Потому что это вкусно, — ответил Хань Сюнь.

Сюй Сымяо нашел на столе бутылку белого вина, открыл ее и сделал глоток. Острота сразу же уменьшилась.

Он нахмурился и сказал:

— Неудивительно, что владелец добавил вино, оно смягчает остроту.

Хань Сюнь наблюдал за ним. Дешевое вино в маленькой бутылке Сюй Сымяо пил так, будто это был коньяк, слегка встряхивая бутылку перед тем, как сделать глоток, вдыхая аромат, словно перед ним был редкий выдержанный напиток.

У Сюй Сымяо было много маленьких привычек, которые сохраняли в нем изысканность джентльмена. Хань Сюнь задал вопрос, который давно хотел узнать:

— Господин Сюй, вы метис?

В мгновение ока взгляд Сюй Сымяо стал пронзительным, его светло-золотые глаза в глубоких глазницах излучали вопрошающий свет.

— Почему ты вдруг спросил об этом? — голос Сюй Сымяо стал серьезнее, словно он не хотел, чтобы кто-то задавал этот вопрос.

Хань Сюнь почувствовал его сопротивление и прямо сказал:

— Потому что ваша внешность и привычки не похожи на обычного богатого наследника.

Хотя он часто притворялся легкомысленным богачом, его манеры выдавали человека, привыкшего к роскоши, с неподдельным достоинством.

— Мой дед был первым иммигрантом из Китая в Великобританию, а бабушка — англичанкой, — Сюй Сымяо опустил бутылку с вином. — Так что я на четверть метис.

О, потомок английской леди. Глаза Хань Сюня загорелись:

— А что вы ели в Великобритании?

Сюй Сымяо знал, что он пишет кулинарный сериал и интересуется едой со всего мира.

Но он слегка приподнял подбородок и с усмешкой сказал:

— Когда не занят, ем снежный лотос с Небесного озера и белого журавля, а когда занят, даже жареную ящерицу могу съесть.

Хань Сюнь не отступил перед шуткой, он жаждал узнать мнение других о еде.

— А что вы считаете самым вкусным?

Сюй Сымяо опустил взгляд и задумался:

— Наверное... подгоревшее яйцо.

Хань Сюнь ожидал услышать о чем-то вроде снежного лотоса с Небесного озера, но ответ его ошеломил.

Сюй Сымяо, увидев его ошеломленное выражение, рассмеялся:

— В детстве у нас дома был личный повар, и его блюда были хороши. Но однажды утром на завтрак у меня было только яйцо, и оно подгорело по краям, было жестким на вкус... да, оно было таким же неаппетитным, как и выглядело.

Он продолжал, погружаясь в воспоминания:

— Но я считаю, что это была самая вкусная еда в мире. Потому что это яйцо было первым, что приготовила моя мама. Она нервничала и спрашивала, не слишком ли оно невкусное, и если да, то не стоит его есть. Но я сказал ей, что оно вкусное, самое вкусное, что я когда-либо пробовал.

Настолько вкусное, что даже спустя десять лет он мог вспомнить его вкус: слишком соленое, подгоревшее по краям, по сравнению с обычными завтраками это был настоящий кулинарный провал.

Но Сюй Сымяо любил ожидание в глазах матери. Если бы это могло сделать ее счастливой, он был бы готов есть такие яйца каждый день.

Ах.

На лице Хань Сюня вдруг появилось выражение озарения, и его мысли начали быстро работать.

— Тогда... тогда... — Хань Сюнь несколько раз открывал рот, подбирая слова, и наконец смог выразить свою мысль. — А когда вы были в Великобритании, знали ли вы о традиционной китайской кухне?

— Знать-то знал, но я не особо интересовался едой. В нашей семье редко ели китайскую еду. Однако мой дед любил вино, и в нашем винном погребе хранились вина со всего мира. В нескольких комнатах стояли китайские вина, которые он особенно ценил, создавая для них специальные условия. «Ньюэр Хун», «Шао Даоцзы», «Чжуче Цин» — в каждой комнате он лично написал стихи и повесил их на стены.

Сюй Сымяо взял бутылку вина и, подражая деду, процитировал:

*

Прекрасное вино Ланьлина благоухает, словно шафран,

В нефритовой чаше сияет, как янтарь.

Если хозяин сможет опьянить гостя,

Тот не вспомнит, где его дом.

*

Он выпил вино залпом, но дешевое вино явно не пришлось ему по вкусу. Он поморщился, его светло-золотые глаза сияли янтарным светом, более пьянящим, чем вино.

Сюй Сымяо с горькой усмешкой поставил бутылку и сказал:

— К сожалению, после смерти деда эти вина так и остались там, и никто больше не пьет их, читая стихи.

Каждое движение Сюй Сымяо идеально передавало дух винной культуры, ее свободу и непринужденность.

Красота, как картина, сама по себе была стихом.

Хань Сюнь вдруг осознал, что его переполняют эмоции, и он не мог сдержаться, схватил блокнот и начал быстро писать, погрузившись в работу.

Увидев, что Хань Сюнь снова пишет, Сюй Сымяо нахмурился и недовольно спросил:

— Что ты опять пишешь?

— Пишу о тебе.

Какой там итальянский гурман!

Какое там столкновение итальянской и китайской кулинарных культур!

Хань Сюнь наконец понял, что не устраивало его в прошлой версии сценария. Это были эмоции!

Как итальянец мог с таким восторгом восхищаться тайнами китайской кухни? Тот, кто понимает секреты китайской кухни, не может не испытывать чувств к этой земле.

Самой вкусной еды в мире не существует. Даже если выбрать самое вкусное блюдо в мире, кто-то, попробовав его, скажет: «Ничего особенного».

Потому что у каждого есть свои эмоции, и без них даже самое изысканное блюдо может быть хуже жареной ящерицы.

Хань Сюнь сосредоточился на переделке сценария, вернувшись к своей долгой жизни затворника.

Его мысли текли рекой, и он отказался от правки сценария, начав все заново.

Когда он, измученный, оторвался от работы, «Вкусное сердце» уже сильно отличалось от сценария, который принес ему награду в прошлой жизни, и даже основная идея стала совершенно другой.

Китайский гурман, выросший в Великобритании, впервые ступает на землю предков и в одиночестве следует по пути, который когда-то прошел его дед, блуждая по улицам и переулкам, вспоминая вкусы, которые дед скучал всю свою жизнь.

<http://bllate.org/book/16443/1490873>